

ЗЕМЛЮ ОТ ПОЖАРА УБЕРЕЧЬ

«Мы расплачиваемся сыновьями...»

СЛОВО МАТЕРИ И АКТРИСЫ

РАБОЧИЕ сцены натягивают занавес-картину. Она кажется увеличенной фотографией из старого домашнего альбома. Осколок чьей-то жизни... Чинно расположившаяся перед аппаратом семья. Жмутся к родителям дети... Значит, вечером мы играем «Мать» К. Чапека.

В тот день, когда мне предстоит выйти на сцену в роли Долорес, несчастной матери, потерявшей своих сыновей, я стараюсь побыть до спектакля одна, собраться с мыслями. Режиссер и художник, оформившие постановку, придумали на сцене дорогу смерти, путь назад, в никуда. И этой дорогой от моей Долорес уходят ее дорогие сыны Ондра, Иржи, Корнель, Петер... С ней остается только Тони, младший, почти ребенок. Кажется, нет такой силы, которая могла бы порвать пуповину, связывающую это дитя с жизнью, с матерью. И все же война вырвет его из материнских объятий...

Чапек писал пьесу, когда Европа уже стояла на пороге войны. Ему хотелось остановить

безумие, предостеречь тех, кто рассчитывал на легкие победы. Война — всегда горе, всегда утраты, предупреждал он. Дети теряют родителей, матери теряют сыновей. И мы играем не чешскую, не русскую, а Вечную мать, провожающую сына в бой... Такое было вчера, так может случиться завтра. А разве сегодня не тревожатся матери всей земли, когда над миром нависла ядерная угроза? Горит земля Гренады, Ливана, Палестины — сколько сыновей не вернется домой...

Я актриса. Актрису не обязательно самому пережить в жизни то, что он изображает на сцене. Но он обязан действовать так, чтобы ему поверили. На что мне опереться, когда я рассказываю о гибели детей?

Я думаю о себе, своей юности. Вижу себя пятнадцатилетней девчонкой в Одессе, оккупированной фашистами. Вижу своих сверстников, забившихся по домам. Еще вчера мы были веселы, беспечны, целые дни

проводили в каменоломнях, играя в войну, «вылавливая» придуманных шпионов. А теперь война пришла в наш дом. В катакомбах прячутся семьи с детьми и, как говорят в городе, партизаны. Мы пытаемся носить им одежду, продукты, но гитлеровцы не подпускают, чуть что — сразу стреляют.

Вспоминаю, как мама укутывает меня до самых бровей, а сверху я надеваю старое пальто нашего зятя: фашисты хватают молодежь и отправляют ее на работу в Германию. Ко мне заходил школьный приятель, один из немногих одуроченных посулами оккупантов, хвалился, что едет добровольно и скоро вернется назад «в шляпе и галстуке». Я знаю, как его «обласкали» на чужой стороне. Видела после войны. Никола бы не узнала в черном изувеченном человеке своего ровесника, если б мне не сказали...

Мы сидим на узлах. Эвакуироваться не успели. Соседки

все пугали маму: «Мадам Кавуненко, куда бежать с Одессы? Ничего не ясно: где наши, где немцы...» Мы остались. И мать с сестрой прячут меня от посторонних глаз. Сейчас я могу себе представить, что пережили в те дни мои родные. Где-то воюет брат, от него ни весточки. Мать не знает, как прокормить нас и боится выпускать в город...

Когда на сцене Долорес угаривает Тони остаться дома, мне кажется, это интонация моей матери, ее мольбы: «Прошу тебя, не уходи... Мы будем жить с тобой в подвале... Пусть все думают, что наш дом вымер... Потом все кончится... Ты будешь видеть солнце...»

Долорес говорит и говорит, хотя душой и умом понимает, что сына уже не удержать.

Я вспоминаю и другую женщину, мать с большой буквы, которую мне также посчастливилось сыграть — Марию Александровну Ульянову. После очередного обыска в ее доме

одна осторожная женщина советуется ей, что можно было бы пошадить детей, держать их при себе, дожидаться лучших времен, на что Мария Александровна с непреклонностью отвечает: «Дорогая моя, если только ждать лучшего момента, он никогда не настанет». Кто-то должен быть первым...

Мать — это любовь и долг. Мы, матери, не затеваем войны, но мы расплачиваемся за них сыновьями. И моя Долорес своими руками вложит в руки Тони винтовку.

В спектакле есть момент, когда мне кажется, что мои слова высекают искры, они находят отклик в зале в каждой женской душе. Мать говорит Тони: «Ты знаешь, что бы я сделала? Я бегала бы по улице и кричала. Я проклинала бы тех, кто посылает вас на войну!»

Голосом всех матерей, которых я играю, от имени всех матерей, я тоже проклиная войну. Проклинаю тех безумцев, которые ее затевают. Наше материнское проклятие бесчеловечной политике Рейгана.

Не знаю, бывают ли минуты светлее тех, когда в моем доме собираются сыновья. У нас с мужем их трое. Все, как один, рослые, красивые. Все, как один, заботливые, любящие. Николай, Владимир, Валерий... Когда они сходятся за столом, в комнате становится тесно и весело. Вот бы еще усадить за этот стол невесток и четверых внучат, редко они съезжаются вместе. О чем еще может мечтать женщина, мать? Простое, понятное, доступное счастье. Только бы не было войны. Мы хотим дождаться, увидеть, какими станут наши внуки...

Мой муж воевал. Ранен при освобождении Венгрии. День Победы встретил в госпитале в Кечкемете. Теперь этот город — побратим нашего Симферополя. Так и должно быть. Города и люди должны дружить, искать путь друг к другу, учиться языку взаимопонимания. Земля — наш общий дом. Пусть же каждому в нем будет место. Мы, матери, не хотим умирать вместе с каждым нашим ребенком. А разве у американской, английской, итальянской матери другое сердце?

М. МАРЬЯНОВСКАЯ
артистка Украинского театра драмы и музыкальной комедии, заслуженная артистка УССР.